

УДК 811.161.1'37:398.224(=512.157)
DOI 10.25587/a9483-0635-6591-m

Ю. П. Борисов

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

РУСИЗМЫ В РАННЕМ ТЕКСТЕ ОЛОНХО «АЛА БУЛКУН БУХАТЫЫР»: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена изучению семантических и функциональных особенностей русизмов в языке раннего текста олонхо «Ала Булкун бухатыыр» Т. В. Захарова – Чээбий, записанного со слов олонхосута в 1906 г. Новизна работы заключается в том, что проблема русизмов в языке олонхо все еще остается недостаточно разработанной, и потому такие вопросы, как дефиниция русизмов, особенности процесса их проникновения, специфика функционирования, способы адаптации и тематическая классификация являются актуальными исследовательскими задачами. В результате анализа текста олонхо выявлены 169 лексических заимствований из русского языка, которые употребляются олонхосутом наравне с якутскими лексемами. Об эквивалентности русизмов якутским лексемам свидетельствует их функционирование в составе основных художественно-изобразительных средств языка олонхо. Установлено: большинство русизмов употребляется в собственно-номинативных значениях, кроме некоторых, образующих сложные для восприятия словосочетания; некоторые русизмы указывают на все еще продолжающийся процесс огласовки, приближающийся к установленным литературным нормам произношения якутского языка, – несформированность огласовки в этих русизмах, вероятно, свидетельствует об их сравнительно недавнем заимствовании; обилие русизмов объясняется основным принципом организации эпического стихосложения, который основан на аллитерации и ритмико-синтаксическом параллелизме. Данные художественно-поэтические приемы требуют от сказителя овладения обширным фондом лексических единиц, состоящим из множества синонимических рядов и параллелей. Это, в свою очередь, создает благоприятные условия для привлечения лексических заимствований, в т. ч. русизмов. О сказанном свидетельствует активное использование русизмов в составе таких особо устойчивых конструкций, как эпические формулы и типические места. Можно заключить, что проанализированные русизмы были хорошо знакомы не только самому сказителю, но и эпической аудитории. В исследовании были применены методы: сплошной выборки, субституции, дистрибуции, количественно-статистического, компонентного и контекстуального анализов.

Ключевые слова: заимствованные слова; русизмы; аллитерация; эпитет; сравнения; эпические формулы; типические места; язык эпоса; олонхо; олонхосут.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-генетический аспекты».

Yu. P. Borisov

Russisms in early olonkho text *Ala-Bulkun bogatyr*: semantic and functional aspects

Abstract. The article is devoted to the study of the semantic and functional features of russisms in the language of the early text of the olonkho *Ala Bulkun bogatyr* by T. V. Zakharov, recorded from the words of the epic-teller in 1906. The novelty of the work lies in the fact that the problem of russisms in the olonkho language is still

БОРИСОВ Юрий Петрович – к. филол. н., с. н. с. – зав. сектором «Лингвофольклористика» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: olonhoman@mail.ru

BORISOV Yury Petrovich – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Head of Sector “Linguofolkloristics”, Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

E-mail: olonhoman@mail.ru

insufficiently developed, and therefore issues such as the definition of russisms, the peculiarities of the process of their penetration, the specifics of functioning, methods of adaptation and thematic classification are topical research tasks. As a result of the analysis of the olonkho text, 169 lexical borrowings from the Russian language were identified, which were used by the olonkho-teller along with the Yakut lexemes. The equivalence of russisms to Yakut lexemes is evidenced by their functioning as part of the main artistic and visual means of the olonkho language. The following phenomena were established: the majority of russisms are used in proper nominative meanings, except for some of them, which form complex phrases for perception; some russisms point to the still ongoing process of vowelism, approaching the established literary norms of pronunciation of the Yakut language – the lack of vocalization in these russisms probably indicates their relatively recent borrowing; the abundance of russisms is explained by the basic principle of the organization of epic versification, which is based on alliteration and rhythmic-syntactic parallelism. These artistic and poetic techniques require the epic-teller to master a vast fund of lexical units, consisting of many synonymous series and parallels. This, in turn, creates favorable conditions for attracting lexical borrowings, including russisms. This is evidenced by the active use of russisms in the composition of such particularly stable constructions as epic formulas and typical places. It can be concluded that the analyzed russisms were well known not only to the narrator himself, but also to the epic audience. The study used the following methods: continuous sampling, substitution, distribution, quantitative-statistical, component and contextual analyzes.

Keywords: borrowed words; russisms; alliteration; epithet; comparisons; epic formulas; typical places; the language of the epic; olonkho; olonkho-teller.

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the NEFU research project “Epic monument of the intangible culture of the Yakuts: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects”.

Введение

Текст якутского героического эпоса олонхо «Ала Булкун бухатыыр» выдающегося олонхосута Тимофея Васильевича Захарова – Чээбий (1868–1931) насчитывает 9442 поэтических строки, относится к ранним записям и является образцом центральной эпической локальности бытования олонхо. Исследуемое олонхо было записано со слов сказителя собирателем фольклора В. Н. Васильевым в 1906 г. во время этнографической экспедиции Кунсткамеры Музея академии наук в с. Амга Якутии.

Текст олонхо «Ала Булкун бухатыыр» Т. В. Захарова был опубликован дважды. Сам Э. К. Пекарский произвёл большую текстологическую работу с целью включения данного олонхо в свою серию. Им были исправлены ошибки, допущенные при записывании текста, даны толкования диалектизмов [1, с. 23]. Однако, первое издание под руководством фольклориста Н. В. Емельянова состоялось только в 1994 г., в нем были сохранены все текстологические правки Э. К. Пекарского. Текст олонхо, записанный В. Н. Васильевым в повествовательной форме, в соответствии с современными требованиями, был разбит на стихотворные строки [2].

Второе издание текста олонхо было подготовлено В. В. Илларионовым, Т. В. Илларионовой и опубликовано в 2018 г. Новое издание оснащено переводом на русский язык и научным аппаратом, содержащим текстологические заметки, примечания к якутскому тексту, словарь неперевоенных слов, словарь архаических и фразеологических слов, указатели собственных имен, мифологических персонажей и названий местностей, краткое изложение сюжета олонхо. В качестве приложения включены: фрагменты предисловия собирателя В. Н. Васильева к первому изданию текста олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур», описание рукописей, статья об этнографе и фольклористе В. Н. Васильеве, статья, посвященная психологическим аспектам сказительского искусства олонхосута Т. В. Захарова.

Как видно из сказанного, несмотря на проведенную значительную работу по подготовке к изданию текста олонхо «Ала Булкун бухатыыр» Т. В. Захарова, оба эти издания не были оснащены словарями заимствованных слов из русского языка. По данному поводу составитель В. В. Илларионов пишет следующее: «Мы не стали отдельно рассматривать диалектизмы, слова, заимствованные с русского языка, широко использованные в олонхо, но подготовили к печати олонхо “Ала Булкун”, придерживаясь вариантов самого Э. К. Пекарского и Н. В. Емельянова. Заинтересованные в этом отношении могут работать по тексту олонхо» [1, с. 25]. Поэтому

в изучении заимствованной лексики из русского языка в тексте олонхо «Ала Булкун бухатыыр» Т. В. Захарова видится новизна настоящего исследования.

Целью исследования является изучение семантических и функциональных особенностей заимствованных лексем – русизмов в языке раннего текста олонхо «Ала Булкун бухатыыр» Т. В. Захарова.

Согласно цели были применены следующие методы исследования: метод сплошной выборки при поиске заимствованной лексики; метод субституции, позволяющий установить синонимичные значения слов; метод дистрибуции при построении классификации заимствованных слов; количественно-статистический метод для определения частотности русизмов; методы компонентного и контекстуального анализов, способствующие выявлению русизмов в составе устойчивых конструкций олонхо.

О лексических заимствованиях в языке эпоса

По мнению исследователей, термин «заимствование» несет в себе два значения: во-первых, элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой; во-вторых, сам процесс перехода элементов одного языка в другой [3, с. 51]. При этом, заимствование слов из одного языка в другой является объективным процессом, в результате которого происходит пополнение и обогащение лексического состава языка [4, с. 58]. По данному поводу Н. Б. Бадгаев пишет: «Причины появления лексического заимствования носят как внешний, экстралингвистический характер, так и внутренний, собственно языковой. Заимствование является естественным и закономерным процессом, сопровождающим языковые контакты» [3, с. 53].

В теоретической литературе можно обнаружить два противоположных взгляда на предмет заимствований в языке эпоса. Так, Н. Б. Бадгаев, Г. Г. Кульсарина утверждают, что заимствования способствуют пополнению и обогащению лексического состава языка. Между тем, существует и противоположное мнение, согласно которому, обширное проникновение в эпический язык иноязычной лексики (в основном русизмов) является очевидным признаком разрушения эпической традиции и угасания жанра героических сказаний [5, с. 69, 71]. Об этом исследователи Л. Н. Арбачакова и Е. Н. Кузьмина пишут: «Если в ранних записях, например, Н. П. Дыренковой, зафиксировавшей традиционное состояние фольклора, русизмы встречаются редко и только в шорской огласовке: *пөтөлөкө* (потолок), *карманга* (карман), *столдың* (стол), то в героических сказаниях в исполнении современных кайчи русские заимствования встречаются часто, иногда даже без национальной огласовки» [5, с. 69].

Кроме того, Л. Н. Арбачакова и И. А. Невская, исследуя индивидуальные особенности словоупотребления шорских сказителей, также рассматривают вопросы заимствований из русского языка. Они утверждают, что в записях шорских героических сказаний широко распространены кальки русских фольклорных выражений, и что некоторые русизмы настолько ассимилировались, что носителями языка воспринимаются как родные слова (*недре* ‘ведро’, *парата* ‘ворота’, *кирлес* ‘крыльцо’). По мнению эпосоведов, в текстах современных сказителей изобилуют слова-сорняки, просторечия и вульгаризмы, воспринятые из русскоязычной среды (вишь, *курвазы* ‘курва’, *махнашка* ‘мохнашка’), которые снижают уровень эпического исполнительства, нарушается природа героических сказаний [6, с. 27].

Здесь важно отметить, что Л. Н. Арбачакова в своей недавней статье поднимает проблему влияния собирателей и редакторов, которые при подготовке сказания к публикации вносят в него свои правки. И в качестве примера приводит рукопись эпического текста шорского сказителя Н. С. Уртегешова, в которой некоторые русизмы, произнесенные сказителем, при подготовке текста к публикации были упущены или намеренно переведены на шорский язык [7, с. 87].

Относительно заимствований в составе языка олонхо известно, что в нем органично вплетено необычайно большое количество русизмов. Об этом Г. У. Эргис писал: «Так, для усиления эмоционального впечатления черные брови описываются парным словом “чуорнай хара”, а сила богатыря характеризуется эпитетом “сильнэй күүстээх”. Слезы плачущей женщины сравниваются с жемчугом: “Крупные слезы, подобно русскому жемчугу, покатались из обоих глаз” и т. д.» [8, с. 212].

Русизмы в олонхо, по мнению П. А. Слепцова, связаны с аллитерацией и параллелизмами, вовлекающими в свою орбиту инновации самого различного происхождения, в т. ч. заимствованные слова. П. А. Слепцов также считает, что наличие множества заимствованных слов также исходит из основных творческих методов, излюбленных олонхосутами, как детализация описания и повествования, что требует мобилизации всей наличной лексики, окказиональных слов и новообразований. Это влечет за собой и включения различных анахронизмов, модернизмов и их названий [9, с. 216].

В свою очередь Н. Е. Петров, изучая синтаксический параллелизм, в отношении заимствованных слов писал: «Такая система стихосложения обеспечивает активное функционирование и сохранение существующих синонимов, требует увеличения их количества путем новых заимствований и расширения значения слов. Отсюда высокоразвитая синонимическая система, исключительное пристрастие якутского языка заимствованиям и полисемии слов и удивительное сохранение этих семантических новообразований и неологизмов» [10, с. 18].

В якутском языкознании некоторые частные аспекты проблемы лексических заимствований были затронуты в трудах Е. Н. Афанасьевой [11], Н. Н. Ефремова [12], Л. Н. Готовцевой [13].

Как показывает изучение теоретической литературы, в отечественной лингвофольклористике проблема иноязычных лексических заимствований в эпических текстах, в частности проблема русизмов в олонхо, все еще остается недостаточно разработанной, и поэтому в настоящее время остаются актуальными такие вопросы, как дефиниция русизмов, особенности процесса проникновения русизмов, специфика функционирования русизмов, способы адаптации русизмов, тематическая классификация русизмов.

Классификация русизмов в тексте олонхо «Ала Булкун бухатыыр»

В ходе выборки материала для исследования обнаружено 169 единиц заимствованных слов из русского языка. Важно отметить, что некоторые слова употребляются сказителем очень часто, а некоторые только единожды. В этой связи нами была выявлена частотность употребления русизмов (количественные показатели указаны в скобках), а также их варианты, которые переданы через косую (/).

При классификации русизмов, содержащихся в тексте олонхо «Ала Булкун бухатыыр», мы руководствовались принципом номинативности, который предполагает разбивку лексических единиц по тематическим группам. В результате классификации выделены 20 номинативных групп, внутри которых русизмы приведены в алфавитном порядке:

Лексемы, обозначающие цвета (колоротивные лексемы): *аалай* ‘алый’ (11); *буурай* ‘бурый’ (11); *сиэрэй* ‘серый’ (4); *чуомнай* ‘темный’ (2).

Лексемы, обозначающие хозяйственные постройки и строительные термины: *акылаат* ‘оклад’ (1); *ампаар* ‘амбар’ (10); *бабаарына* ‘поварня’ (3); *балаада* ‘палата’ (3); *ботолуок* ‘потолок’ (1); *былаахы* ‘плаха’ (1); *истиэнэ* ‘стена’ (17); *көлүдүөр* ‘коридор’ (2); *кэрэньиис* ‘карниз’ (1); *лаабыс* ‘лабаз’ (2); *муоста* ‘мост’ (11); *сибиркэ* ‘сибирка’ (1); *сиэмэлээнки / сэбэрээнки* ‘землянка’ (5); *сулууда* ‘слюда’ (2); *холуода* ‘колода’ (2); *чуулаан* ‘чулан’ (1); *эрэһиэнкэ / эрэсиэнкэ* ‘решетка’ (7).

Лексемы, связанные с православной верой: *аньал / ааньал* ‘ангел’ (4); *биэрэ* ‘вера’ (1); *бэньиэс* ‘венец’ (1); *дьаабал* ‘дьявол’ (1); *дьаама* ‘яма’ (2); *кириэһибиэй* ‘христианский’ (1); *кириһиэнэй* ‘крещенный’ (1); *кириэс* ‘крест’ (1); *лиэһэй* ‘леший’ (11); *Ньукуола* ‘Никола’ (1); *сибэтиэй* ‘святой’ (4); *сибээт* ‘свят’ (1); *симизэрт* ‘смерть’ (12); *хоруоб* ‘гроб’ (1); *ырай* ‘рай’ (6).

Лексемы, обозначающие предметы быта и их качество: *багыыр* ‘багор’ (8); *боруоска* ‘прошка’ (5); *бүлүүдэ* ‘блюдо’ (2); *бүлүүһэ* ‘блюдец’ (2); *бээдэрэ* ‘ведро’ (4); *долоруотунай* ‘добротный’ (1); *доробуонка* ‘доработка?’ (1); *киринэ* ‘книга’ (1); *кырабаат* ‘кровать’ (5); *лапааккы* ‘лопатка’ (3); *мээчик* ‘мяч’ (2); *наарта* ‘нарты’ (2); *ньооска* ‘ложка’ (1); *остуол* ‘стол’ (11); *өскүөбүл / үскүөбүл* ‘скобель’ (4); *сиитик* ‘шитик’ (4); *суха* ‘соха’ (1); *табытыарка* ‘табакерка’ (3); *үрүүнкэ* ‘рюмка’ (1); *харандаас* ‘карандаш’ (1); *харчааҕа* ‘корчага’ (1); *холуокка* ‘колодка’ (2); *чааскы* ‘чашка’ (2); *чимэчи* ‘свеча’ (1); *чээньик* ‘чайник’ (1).

Лексемы, обозначающие время, меры длины и веса: *арсыын* ‘аршин’ (13); *бириэмэ* ‘время’ (9); *буунта / муунта* ‘фунт’ (2); *буут / пуут* ‘пуд’ (8); *көлүөнэ* ‘поколение’ (1).

Лексемы, обозначающие административно-территориальное деление и их руководство: *артыал* 'артель' (8); *бөрөстүөл* 'престол' (1); *быыбсай* 'бывший [князец]' (2); *кинээс* 'князец' (9); *кулуба* 'глава' (1); *нэһилиэк* 'ночлег' (3); *мэтээл* 'медаль' (2).

Лексемы, обозначающие юридические термины: *аркыыба* 'архив' (1); *баранаак* 'варнак' (9); *былаан* 'план' (1); *бэчээт / нэчээт* 'печать' (5); *допууос* 'допрос' (5); *ороснуой* 'разбой' (3); *собуот* 'свод' (3); *сокуон* 'закон' (5); *суут* 'суд' (7); *түрмэ* 'тюрьма' (1); *устаб* 'устав' (3); *хабала* 'кабала' (3); *эпэлиэһийэ* 'апелляция' (1).

Лексемы, обозначающие географические термины и этнонимы: *биэрэк* 'берег' (5); *бөрсүөскэй* 'персидский' (1); *буолак* 'поле' (29); *дьаарай* 'ярый' (11); *дьаарбан* 'ярмарка' (44); *кыргыыс* 'киргиз' (2); *кытай* 'китай' (3); *муора* 'море' (43); *Сибиир* 'Сибирь' (12).

Лексемы, обозначающие одежду и виды тканей: *бодуол* 'подол' (1); *кытаайка* 'китайка' (1); *оһуор* 'узор' (6); *сэлиэчик* 'жилет' (1); *сэрэмээт* 'сыромятный' (12); *халтыс* 'галстук' (1); *хармаан* 'карман' (3); *холууста* 'холстяной' (1); *хомуһуол* 'камзол' (2).

Лексемы, обозначающие оружие и военные термины: *буойун* 'воин' (2); *дэһэтиньык* 'десятник' (6); *куормаһыт* 'кормовой' (2); *куортук* 'кортик' (2); *мэтээл* 'медаль' (2); *саабыла* 'сабля' (11); *холуонья* 'колонна' (1); *чочубуой* 'часовой' (1).

Лексемы, обозначающие украшения: *коруонка* 'коральки' (1); *көлүөскэ* 'колечко' (1); *чөмчүк* 'жемчуг' (4).

Лексемы, обозначающие пищу: *кааһы / хааһы* 'каша' (7); *курупа* 'крупа' (6); *соскунан* 'закусывать' (1); *сылаанкай* 'сладкий' (1).

Лексемы, обозначающие насекомых, животных и птиц: *дьэлип кыыл* 'лебедь' (1); *кумаар* 'комар' (5); *лиэн* 'лев' (1); *ньиэрпэ* 'нерпа' (2); *өрүөл* 'орёл' (1); *хуолун* 'голубь' (2); *чизэrbэ* 'червь' (7).

Лексемы, обозначающие механические термины: *бруусуна* 'пружина' (1); *дьаакыр* 'якорь' (16); *көлүдөһэ* 'колесо' (4); *куорма* 'корма' (1).

Лексемы, обозначающие числительные: *мөйүүөн* 'миллион' (1); *тыһыынча* 'тысяча' (1).

Лексемы, описывающие портрет персонажа и указывающие на его человеческие качества: *боруок* 'порок' (2); *бөтпүрөөк* 'поперёк' (1); *бэһиэлэ* 'веселье' (1); *добуолун* 'доволен' (1); *коруомкай / хоруомкай* 'громкий' (8); *куудара* 'кудри' (1); *куурба* 'курва' (5); *мэтриэт* 'портрет' (1); *одьунаас* 'одинец' (4); *олбуорунай* 'отборный' (1); *силинэй* 'сильный' (7); *содуом* 'содом' (15); *суобас* 'совесть' (9); *талаан* 'талант' (2); *толкуй* 'толкуй' (36); *туолка* 'толк' (2); *хорохоот* 'скороход' (2); *эриэккэс* 'редкость' (6).

Лексемы, выражающие этикет: *баһыыба* 'спасибо' (9); *бырастыы* 'прости' (49); *дорообо* 'здорово' (16); *ночобуо / ньочобуол* 'ничего' (1).

Лексемы, обозначающие действие: *бокуой* 'покой' (4); *күүлэй* 'гуляй' (3); *майааччы* 'маячить' (1).

Лексемы, именующие персонажей: *Дьээгэ Бааба* 'Баба Яга' (8).

Лексемы, не составляющие отдельную тематическую группу: *долуой* 'долгой' (8); *наада* 'надо' (5); *норуоһуна* 'нарочно' (1); *оруомна* 'ровно' (1); *чизэрсэ* 'через' (4).

Таблица 1

Наиболее часто употребляемые русизмы в тексте олонхо «Ала Булкун бухатыыр»

№	Русизмы	Оригинал русизма	Дефиниция слова	Ед.	Примечания
1	Арсыын	Аршин	Аршин [14, с. 560].	14	Содержится вариант <i>арсын</i> .
2	Буолак	Полог	диал. 1. Пашня. 2. Поле битвы, сражений [15, с. 518].	29	Используется в составе именной формулы богатыря Очуллаан-Чочуллаана.

Окончание табл.

3	Бырастыы	Прости	1. Простить, извинить. 2. Простите [15, с. 912].	49	
4	Дорообо	Здравствуй	Здравствуй (приветствие при встрече) [16, с. 844].	16	
5	Дьаакыр	Якорь	Тягость, обуза, гнет. В знач. им. прил. Очень тяжелый, увесистый [16, с. 260].	16	
6	Дьаарбан	Ярмарка	Место, где пасется скот, кормятся животные, пастбища [16, с. 265].	44	Используется в составе именной формулы богатыря Очуллаан-Чочуллаана.
7	Истиэнэ	Стена	Стена (вертикальная часть здания, помещения) [16, с. 844].	17	
8	Муора	Море	Море [17, с. 359].	43	
9	Сибиир	Сибирь	фольк. Отдельное место обитания, страна, земной шар [18, с. 338].	12	
10	Симиэрт	Смерть	разг. 1. Смерть, гибель. 2. Опасность, грозящая смертью; грозный, опасный враг. 3. бран. Смертоносная черная сила, убийца, душегуб [18, с. 406].	12	Есть вариант сочетания – <i>симиэрт ааньал</i> ‘ангел смерти’.
11	Содуом	Содом	Дебош, погром [18, с. 497].	15	
12	Сэрэмээт	Сыромятный	1. Недубленая, сыромятная кожа, сыромят; что-л., изготовленное из такой кожи (напр., веревка, пояс). 2. в знач. прилаг. сыромятный, пропитанный жиром (о коже); изготовленный из сыромятной кожи [19, с. 600].	12	Используется в сочетании – <i>сэрэмээт кур</i> ‘сыромятный ремень’.
13	Толкуй	Толкуй	Мысль, идея, соображение, размышление [20, с. 431].	36	

Функциональные особенности русизмов в тексте олонхо «Ала Булкун бухатыыр»

В результате анализа исследуемого текста олонхо установлено, что русизмы используются в составе основных художественно-изобразительных средств языка олонхо в качестве: аллитерирующих слов при детализации описания; эпитетов, определяющих основные характеристики описываемых предметов и персонажей; компонентов сравнений; элементов ритмико-синтаксического параллелизма, организующих эпические формулы и типические места. Далее рассмотрим конкретные примеры русизмов для более детального раскрытия их функциональных особенностей:

1. Русизмы – аллитерирующие слова

Аллитерация, иными словами, повторы одинаковых звуков в смежных строках, придают стихам особую фоническую выразительность, и, как утверждает Н. Н. Тобуроков, играют доминирующую роль при создании стихов и строфическом членении фольклорных поэтических текстов [21, с. 109]. Рассмотрим конкретный пример:

<p>Сибэтиэй буор ортолоох, Сизэрэй солко аартыктаах, Сизги дьабыл эркиннээх... [1, с. 34].</p>	<p>Земля святая – середина её, Шёлк серый – дороги-пути её, Трава молодая – стены её... [1, с. 35].</p>
---	---

В приведенном фрагменте эпической формулы, описывающей Срединный мир, использованы русизмы *сибэтиэй* ‘святой’ / *сизэрэй* ‘серый’, подобранные сказителем по принципу начальной аллитерации, которые также являются эпитетами. Следует отметить, что в данном примере словосочетание *сизэрэй солко* ‘серый шёлк’ является эпитетом, широко распространенным в якутском фольклоре.

2. Русизмы – эпитеты

Как было сказано ранее, русизмы – эпитеты в олонхо были подробно рассмотрены Г. У. Эргисом. Также, эпитеты – как языковое явление фольклорных произведений были рассмотрены в трудах Г. М. Васильева [22], Л. А. Астафьевой [23], П. А. Слепцова [9] и Л. В. Роббек [24]. Так, Л. В. Роббек в языке олонхо, основываясь на функциональных особенностях, выделяет изобразительные, сравнительные и метафорические разновидности эпитетов [24, с. 59–62]. Приведем примеры:

1	Сиир симиэрт уола, Сиилинэй улахана кэлбит буоллахкына... [1, с. 74].	Если сын смерти уничтожающей, Старший из сильных пришел... [1, с. 75].
2	Адьс былас аалай солко суууохтаах Айталыын Куоҕа кэлбит [1, с. 90].	К с восьмисаженной косой шелковистой Айталыын Куо пришел он [1, с. 91].
3	Ол олороммун, икки үстүү арсын уһун Үрүн көмүс бөрсүөскэй тоҕоһобун Үүтүгэр уган саайбыппын... [1, с. 240].	Сидя так, В два-три аршина Гвоздь свой серебряный В место родное воткнула... [1, с. 241].
4	Добуун маҕан халлаан дьоллоох соргулаах Доробуонка киригэтин көрдөрдүм [1, с. 284].	Белого неба высокого счастливую-удачливую Книгу показать [1, с. 285].

Как видно, в примерах 1 и 2 сказитель пользуется ставшими традиционными эпитетами *сиилинэй улахана* ‘старший из сильных’ / *аалай солко* ‘алый шёлк’. В обоих случаях рассматриваемые эпитеты являются компонентами эпических формул, раскрывающих образ персонажей. Если в примере 1 описывается образ богатыря *абаасы*, синонимом которого выступает словосочетание с русизмом *симиэрт уола* ‘сын смерти’, то в примере 2 эпитет выступает составной частью именной формулы главной героини Айталыын Куо.

Важно отметить, что кроме обозначенных эпитетов в тексте олонхо содержатся эпитеты, образованные сложными для восприятия лексемами, значение которых отсутствует в словарях. Так, в примере 3 олонхосут воспользовался словосочетанием с русизмом *бөрсүөскэй тоҕоһо* (лит. *тоҕоһо*) ‘(персидский?) гвоздь’, а в примере 4 словосочетанием, состоящим из двух заимствованных слов *доробуонка киригэтин* ‘(книга доработки?) книгу’, где во втором слове ярко прослеживается гармония гласных. В результате этой огласовки русизм *книга* стала сложна к восприятию. При этом первое слово словосочетания *доробуонка* совершенно неизвестна. Надо полагать, это также произошло в результате огласовки. Видимо, из-за этих нюансов переводчики текста олонхо предпочли обойти эти определения и потому не стали их переводить.

3. Русизмы – компоненты сравнений

Сравнение – одно из любимых художественно-изобразительных средств олонхосута Т. В. Захарова. Например:

1	Абааһы бухатыырын дьулайыгар Сүллүгэһин курупа курдук үлтү охсон кэбистэ [1, с. 70].	О темя богатыря абаасы Дубина железная словно крупа мелкая рассыпалась [1, с. 71].
2	Түөһүн тылыттан үөһээ өттүн Дриэспэ таас курдук дэлби тэбэн кэбистэ [1, с. 100].	Сверху у груди самой, Словно щепень каменный вдребезги разбил [1, с. 101].
3	Хаһа курдук ньуурдаах, Харта курдук мэтриэттэхэ ... [1, с. 134].	С ликом, как жир брюшной, С лицом морщинистым... [1, с. 135].
4	Итиччэ санарпытыгар Баһыыбалаах киһи курдук буолла [1, с. 152].	Ему говорить дал, Будто благодарен был [1, с. 153].

В тексте олонхо можно обнаружить весьма интересные сравнения, где в качестве образа сравнения используются русизмы *курупа* ‘крупя’ / *дэриэспэ* ‘дресьва’ / *бахыыба* ‘спасибо’ (примеры 1, 2 и 4) в сочетании с послелогом *курдук* ‘наподобие, подобно, вроде, как, словно’. А в примере 3 можно обнаружить обратное, где образом сравнения выступает якутское слово, а объектом сравнения является русизм *мэтриэт* ‘портрет’.

Здесь важно подчеркнуть, что «образы для сопоставления никогда не подбираются случайно или приблизительно, они хорошо знакомы и сказителю, и слушателям, а состав образов сравнений отражает реальный мир, в котором живет народ-носитель эпоса» [25, с. 136].

4. Русизмы – элементы эпических формул

Известно, что эпические формулы представляют собой поэтический язык, с помощью которого сказитель излагает свою тему, самостоятельно варьируя ее в рамках традиционной сюжетной схемы [26, с. 247]. В олонхо при создании эпической формулы, во-первых, широко используется аллитерация, которая является основным стихообразующим средством, во-вторых, синтаксический параллелизм как моделирующее изобразительное средство, облегчающее якутским сказителям выбор соответствующего слова в стихе [27, с. 71]. При этом, эти слова в составе формулы могут носить две основные функции – функцию ключевого слова, которое является неизменным компонентом и несет наибольшую нагрузку при передаче смыслового содержания выражения, или функцию слова, привлекаемого в состав формулы со стороны, что обусловлено вариативностью формул [24, с. 51].

В анализируемом тексте содержится множество эпических формул, в составе которых Т. В. Захаров активно использует русизмы. Например:

1	Киэн улахан сангалаах киһи үһү, Коруумкай үчүгэй куоластаах киһи үһү... [1, с. 66].	Человек со складной речью громкой, оказал-ся, говорят, Человек с громким голосом звучным, оказал-ся, говорят... [1, с. 67].
2	Мустаах муора муннуга буолактаах , Булхааннаах буор хайа кэтэбэ дьаарбаннаах , Очулуун чуобур аттаах Очуллаан-Чочуллаан бухатыыр... [1, с. 76].	С полями у края моря ледяного, С лугами за земляной горой заметенной, С конем чубарым Очулуун Чуогур Очуллаан-Чочуллаан богатырь... [1, с. 77].
3	Сиир симиэрт уолаттара түөкүттэр, Аһыыр абааһы уолаттара баранаактар ... [1, с. 100].	Сыновья лукавые смерти, Варнаки сыновья абаасы кровожадного... [1, с. 101].

В приведенных примерах формул 1 и 2 описывается образ богатыря Очуллаан-Чочуллаана. В примере 1, образованном на основе двучленного ритмико-синтаксического параллелизма, сказитель в качестве периферийного элемента использует эпитет *киэн улахан сангалаах* ‘с громкой, протяжной речью’, параллелью которого подбирает аналогичный эпитет с русизмом *коруумкай үчүгэй куоластаах* ‘с громким, хорошим голосом’, а ядром формулы служит словосочетание *киһи үһү* ‘человек, оказывается’, которое объединяет члены конструкции в единую формулу.

Интересно отметить, что в именной формуле богатыря Очуллаан-Чочуллаана (пример 2) в определительных рядах, выраженных также двучленным параллелизмом и показывающим место обитания богатыря Очуллаан-Чочуллаана, использованы русизмы-локативы *буолактаах* ‘с полем’ / *дьаарбаннаах* ‘с лугом’. Данная формула используется олонхосutom при каждом упоминании персонажа и потому является особо устойчивой (см. табл. 1).

В примере 3 эпическая формула образована на основе двучленного ритмико-синтаксического параллелизма, в котором олонхосут для создания и наполнения параллельного члена чередует синонимичные русизмы и якутские лексемы *симиэрт* ‘смерть’ / *абааһы* ‘абаасы’; *түөкүттэр* ‘лукавые’ / *баранаактар* ‘варнаки’. Такое чередование, на наш взгляд, свидетельствует, что эти лексемы хорошо знакомы как сказителю, так и его слушателям.

5. Русизмы – элементы типических мест

Типические места (*loci communes*) в якутском олонхо, так же как и в других эпосах, являются особо устойчивыми выражениями, тесно связанными повторами сюжета. По мнению Е. Н. Кузьминой, типические места по своей сути представляют собой интертекстуальные повторы, переходящие из одного сказания в другое. Благодаря чему «общие места» сохранили свою устойчивость и явились хорошим сюжетобразующим фактором [28, с. 5]. Рассмотрим примеры:

1	Торҕо диэн долуой суох үһү, Кытаайка диэн кылбан суох үһү, Халта диэн хасты суох үһү, Аалай танас адьаһын суох үһү [1, с. 32].	Тканей не было совсем, говорят, Китайки в помине не было, говорят, Холста не носил еще, говорят, Ткани алой не знал еще, говорят [1, с. 33].
2	Буутгаах айыы буолбут, Буунталаах буруй буолбут [1, с. 162].	Грех тяжкий на себя взял, Вина смертная на тебе [1, с. 163].

Как видно из примеров, в составе типических мест также встречаются русизмы. Так, в примере 1 в типическое место органично вплетены русизмы, обозначающие виды и цвета тканей – *кытаайка* ‘китайка’ / *аалай* ‘алый’, а также разговорный русизм *долуой* ‘совсем, вовсе’. В примере 2 типическое место образовано на основе двучленного параллелизма, в котором параллельными членами в качестве периферийных элементов выступают русизмы – контекстные синонимы *буут* ‘пуд’ / *буунта* (лит. *муунта*) ‘фунт’.

Эти типические формулы широко распространены по всему общеэпическому фонду якутского олонхо и поэтому являются интертекстуальными формулами (по отношению к олонхо).

Заключение

Таким образом, с учётом всего вышеизложенного можно заключить, что русизмы в ранних текстах олонхо, в частности в тексте «Ала Булкун бухатыыр» Т. В. Захарова, употребляются наравне с якутскими лексемами. О чём свидетельствует их наличие и функционирование в составе основных художественно-образительных средств языка олонхо – в аллитерации, эпитетах, сравнениях, эпических формулах и типических местах.

Относительно семантической нагрузки установлено, что большинство русизмов употребляются в собственно-номинативных значениях, кроме некоторых русизмов, образующих сложные для восприятия словосочетания, например: *доробуонка киригэтин* ‘(книга доработки?) книгу’, *бөрсүөскэй тоҕоһо* ‘(персидский?) гвоздь’, *дьэлип кыыл* ‘лебедь?’ и др. Важно отметить, что некоторые русизмы представляют наглядный пример процесса огласовки, и поэтому еще не достигли литературной нормы якутского языка. Например: *бээдэрэ* (лит. *биэдэрэ*) ‘ведро’, *түүрмэ* (лит. *түрмэ*) ‘тюрьма’, *устаб* (лит. *устаан*) ‘устав’, *халтыс* (лит. хаалтыс) ‘галстук’, *чимэчи* (лит. чүмэчи) ‘свеча’, *чуомнай* ‘темный’, *чээнык* (лит. *чааньык*) ‘чайник’ и др. Видимо, некоторые из обозначенных слов были заимствованы на рубеже XIX–XX вв. и не были еще окончательно сформированы.

Думается, обилие русизмов в исследуемом тексте (всего 169 ед.) объясняется рядом конкретных причин, основной из которых является принцип организации эпического стихосложения, основанный на аллитерации и ритмико-синтаксическом параллелизме. Эти художественно-поэтические приемы требуют от сказителя овладения обширным фондом лексических единиц, состоящим из множества синонимических рядов и параллелей, что в свою очередь образует благоприятные условия для функционирования русизмов. О сказанном свидетельствует активное употребление сказителем русизмов в составе таких особо устойчивых конструкций, как эпические формулы и типические места. Это обстоятельство позволяет заключить, что проанализированные русизмы были хорошо знакомы не только самому сказителю, но и его эпической аудитории.

Во-вторых, исторически сложилось так, что Амгинский улус был первым районом, куда в XVII в. заселились первые русские переселенцы – землепашцы, и между ними и местным населением происходили активные контакты как на социальном, так и на бытовом уровне, что,

несомненно, отразилось и на языке. Кроме того, как следует из биографии сказителя, Т. В. Захаров вместе с братом и младшей дочерью некоторое время работал в качестве заготовщика дров на золотых приисках Бодайбо¹. Именно там раскрылся его сказительский талант. Можно предположить, что продолжительная наемная работа в тесном общении с русскими лесозаготовщиками и золотодобытчиками также оказала влияние на словарный запас сказителя.

Литература

1. Ала Булкун бухатыыр = Ала Булкун богатырь / [сказитель Т. В. Захаров ; сост. : В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова ; пер. А. А. Бурцева, И. В. Гаврильева, С. В. Данилова и др.]. – Якутск : Алаас, 2018. – 520 с. (На якутском и рус. яз.)
2. Ала-Булкун : якутское олонхо / [сказитель Т. В. Захаров ; отв. ред. Н. В. Емельянов]. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 1994. – 101 с. (На якутском яз.)
3. Бадгаев Н. Б. Заимствованная лексика в калмыцком языке и её тематическая классификация (на материале эпоса «Джангар») // Монголоведение (Монгол судлал). – 2013. – № 6. – С. 51–63.
4. Кульсарина Г. Г. Особенности заимствованной лексики в языке башкирского фольклора // Научный диалог. – 2016. – № 9. – С. 58–70.
5. Арбачакова Л. Н., Кузьмина Е. Н. Шорский эпос : признаки угасания традиции // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2014. – № 2. – С. 68–72.
6. Арбачакова Л. Н., Невская И. А. Индивидуальные особенности языка сказителя (на примере записей шорских героических сказаний) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2020. – № 3. – С. 20–31.
7. Арбачакова Л. Н. Эпические формулы в расшифрованных шорских героических сказаниях «Мерет-Оолак» и «Мерет Олак, имеющий волшебного коня» // Вестник Северо-Восточного федерального университета : Серия Эпосоведение. – 2020. – № 1. – С. 80–89. – DOI : 10.25587/SVFU.2020.17.58368.
8. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – Якутск : Бичик, 2008. – 400 с.
9. Слепцов П. А. Якутский литературный язык : формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск : Наука, 1990. – 273 с.
10. Петров Н. Е. Олонхо – шедевр устного и нематериального наследия человечества. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 2009. – 158 с.
11. Афанасьева Е. Н. Русские лексические заимствования в якутском эпосе-олонхо «Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 7. – № 2. – С. 183–193.
12. Ефремов Н. Н. Эпические формулы в олонхо северных якутов : структурно-семантический анализ // Вестник Северо-Восточного федерального университета : Серия Эпосоведение. – 2018. – № 4. – С. 58–65. – DOI : 10.25587/SVFU.2018.12.22342.
13. Готовцева Л. Н. Русские лексические заимствования в номинации одежды героев эпоса олонхо // Филология : научные исследования. – 2019. – № 2. – С. 207–214. – DOI : 10.7256/2454-0749.2019.2.29036.
14. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдыта. Т. 1 (Буква А) / под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 677 с.
15. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдыта. Т. 2 (Буква Б) / под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2005. – 908 с.
16. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдыта. Т. 3 (Буквы Г, Д, Дь, И) / под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2006. – 841 с.
17. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта. Т. 6 (Буквы Л, М, Н) / под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2009. – 516 с.
18. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта. Т. 8 (Буква С – сөллөбөр) / под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2011. – 572 с.

¹ Бодайбо – местность, находящаяся на берегу р. Витима, в устье речки Бодайбо, где в 1846 г. впервые были обнаружены золотые россыпи и в 1864 г. была основана приисковая Бодайбинская резиденция – ныне г. Бодайбо Бодайбинского района Иркутской области.

19. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. 9 (Буква С: сөллөй – сээн, буква h) / под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, – 2012. – 627 с.
20. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта. Т. 10 (Буква Т: т – төһүүлээ) / под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2013. – 572 с.
21. Тобуроков Н. Н. Труды по тюркскому стихосложению. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2018. – 504 с.
22. Васильев Г. М. Якутское стихосложение. – Якутск : Якут. кн. изд-во, 1965. – 126 с.
23. Астафьева Л. А. Параллелизм в лирических песнях // Фольклор как искусство слова. Вып. 5 : Художественные средства русского народного поэтического творчества : символ, метафора, параллелизм / отв. ред. Н. И. Кравцов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 87–101.
24. Роббек Л. В. Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо. – Новосибирск : Наука, 2014. – 140 с.
25. Lvova S. D. Biomorphie images of comparison in Yakut Olonkho and other Turkic epics of Siberia // *Agathos : An International Review of the Humanities and Social Sciences*. – 2020. – Vol. 11. – Iss. 2. – Pp. 133–149. (На англ. яз.)
26. Книга моего деда Коркута. Огузкий героический эпос. Репринт. воспроизведение изд. 1962 г. / В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов ; пер. В. В. Бартольда. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 299 с.
27. Илларионов В. В. Искусство якутских олонхокутов. – Якутск : Кн. изд-во, 1982. – 128 с.
28. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири. Эксперим. изд. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – 1383 с.

References

1. Ala Bulkun bogatyr. Epicteller T. V. Zakharov; comp.: V. V. Illarionov, T. V. Illarionova; transl. by A. A. Burtseva, I. V. Gavril'eva, S. V. Danilova and others. Yakutsk, Alaas Publ., 2018, 520 p. (In Yakut and Russ.)
2. Ala-Bulkun: Yakut olonkho. Epicteller T. V. Zakharov; ex. ed. N. V. Emelyanov. Yakutsk, Sakhapolografizdat Publ., 1994, 101 p. (In Yakut)
3. Badgaev N. B. Borrowed vocabulary in the Kalmyk language and its thematic classification (based on the epic “Dzhangar”). *Mongolian Studies (Mongol sudlal)*. 2013, no. 6, pp. 51–63. (In Russ.)
4. Kul'sarina G. G. Features of borrowed vocabulary in the language of Bashkir folklore. *Nauchnyi dialog*. 2016, no. 9, pp. 58–70. (In Russ.)
5. Arbachakova L. N., Kuzmina E. N. Shor epic: signs of extinction of tradition. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2014, no. 2, pp. 68–72. (In Russ.)
6. Individual features of the narrator's language (on the example of recordings of Shor heroic legends). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2020, no. 3, pp. 20–31. (In Russ.)
7. Arbachakova L. N. Epic formulas in the deciphered Shor heroic legends “Meret-Oolak” and “Meret Olak having a magic horse”. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2020, no. 1, pp. 80–89. DOI: 10.25587/SVFU.2020.17.58368. (In Russ.)
8. Ergis G. U. Essays on the Yakut folklore. Yakutsk, Bichik Publ., 2008, 400 p. (In Russ.)
9. Sleptsov P. A. Yakut literary language: the formation and development of national norms. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 273 p. (In Russ.)
10. Petrov N. E. Olonkho is a masterpiece of the oral and intangible heritage of humanity. Yakutsk, Yakut State University Publ. House, 2009, 158 p. (In Russ.)
11. Afanasieva E. N. Russian lexical borrowings in the Yakut epic-olonkho “Obstinate Kulun Kullustuur”. *Bulletin of Pushkin Leningrad State University*. 2012, vol. 7, no. 2, pp. 183–193. (In Russ.)
12. Efremov N. N. Epic formulas in the olonkho of Northern Yakuts: structural and semantic analysis. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series Epic studies*. 2018, no. 4, pp. 58–65. DOI: 10.25587/SVFU.2018.12.22342. (In Russ.)
13. Gotovtseva L. N. Russian lexical borrowings in the nomination of clothes for the heroes of the epic olonkho. *Philology: scientific researches*. 2019, no. 2, pp. 207–214. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29036. (In Russ.)
14. Explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 1 (Letter A). Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004, 677 p. (In Yakut and Russ.)

15. Explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 2 (Letter B). Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 908 p. (In Yakut and Russ.)
16. Explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 3 (Letters G, D, D', I). Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 841 p. (In Yakut and Russ.)
17. Big explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 6 (Letters L, M, N). Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009, 516 p. (In Yakut and Russ.)
18. Big explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 8 (Letter S – selleger). Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2011, 572 p. (In Yakut and Russ.)
19. Big explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 9 (Letter S: sellei – seen, letter H). Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2012, 627 p. (In Yakut and Russ.)
20. Big explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 10 (Letter T: t – tehuulee). Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2013, 572 p. (In Yakut and Russ.)
21. Toburokov N. N. Works on Turkic versification. Yakutsk, NEFU Publ., 2018, 504 p. (In Russ.)
22. Vasil'ev G. M. Yakut versification. Yakutsk, Yakut Book Publ. House, 1965, 126 p. (In Russ.)
23. Astaf'eva L. A. Parallelism in lyric songs. In: Folklore as the art of words. Issue 5: Artistic means of Russian folk poetry: symbol, metaphor, parallelism. Ex. ed. N. I. Kravtsov. Moscow, Moscow University Publ. House, 1981, pp. 87–101. (In Russ.)
24. Robbek L. V. Lexico-semantic features of the language of the Yakut heroic epic olonkho. Novosibirsk, Nauka Publ., 2014, 140 p. (In Russ.)
25. Lvova S. D. Biomorph images of comparison in Yakut Olonkho and other Turkic epics of Siberia. *Agathos: An International Review of the Humanities and Social Sciences*. 2020, vol. 11, iss. 2, pp. 133–149.
26. Book of my grandfather Korkut. Oguz heroic epic. Reprint reproduction of the 1962 edition. V. M. Zhirmunsky, A. N. Kononov; transl. by V. V. Bartol'd. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, 299 p. (In Russ.)
27. Illarionov V. V. The art of the Yakut olonkhosuts. Yakutsk, Book Publ. House, 1982, 128 p. (In Russ.)
28. Kuzmina E. N. Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia. Experimental edition. Novosibirsk, Publ. House of the SB RAS, 2005, 1383 p. (In Russ.)